

**ЭЛЕМЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОРЕЧИЯ
В МОСКОВСКОЙ РУКОПИСНОЙ РИТОРИКЕ
«DIADEMMA EX IMMARCESSIBILIBUS FLORIBUS
TULLIANAE» (1745–1746)**

В статье рассматривается трактовка отдельных элементов политического красноречия в московской рукописной риторике 1745–1746 гг. Особенностью данной риторики является сочетание обширного иллюстративного материала для амплификации ключевых понятий речи и практических наставлений в области государственного управления.

Ключевые слова: Россия XVIII века, рукопись, риторика, политическое красноречие.

Московская рукописная риторика «*Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae...*» («Венок из неувядаемых цветов Цицеронианы...»), представляет собой руководство, составленное в 1745–1746 гг. для учащихся Московской Славяно-греко-латинской академии. Как и в других рукописных учебных риториках этого времени, главное внимание в книге уделяется красноречию духовному и эпидейктическому, которое характеризуется как *species nobilissima* (*Diademma*: 51 (об)). Однако, в отличие от авторов других подобных руководств, составитель «Венка» не обходит вниманием и некоторые аспекты политического красноречия. В одном из разделов риторики («*Pars tertia, Eruditione politica instruens Neorussium*») собраны сведения, имеющие отношение к данной сфере.

Раскрывая смысл понятия «*eruditio politica*», составитель руководства определяет его как «средства, служащие для украшения как духовного, так и светского красноречия посредством разнообразных материалов» («*supellectilem, tam sacrae quam profanae elocutionis ornatui pro materiaram diversitate servientem*» – *Diademma*: 80). Особо отмечается отсутствие претензий автора на какие-либо наставления в области политики: «*Nomine eruditionis politicae nolim, ut intelligat quispiam praeccepta seu administrandam rei publicae normam de qua communiter politici*» («Мне не хотелось бы, чтобы политическую эрудицию понимали как предписания или общие для политиков нормы управле-

ния государством»). По убеждению составителя пособия, это не имеет отношения к риторике («*Nos enim facultas distincta est omnino a rhetorica*») (Diademма: 80). Ритор ограничивает свои задачи подбором сентенций, высказываний, сведений, которые касаются политических понятий и могут быть полезны при составлении речей разных жанров. Источником сведений о средствах красноречия (*subsidia eloquentiae*) составитель руководства называет Соария (Киприано де Соареса, испанского иезуита (1524–1593), автора учебника «*De arte rhetorica libri tres*»).

Раздел московской риторики, посвященный политической эрудиции, включает три главы: «*De re publica*», «*De virtutibus*», «*De vitiis*». Описание и риторическая амплификация добродетелей и пороков не имеют прямого отношения к теме государственного устройства, поэтому наибольший интерес в рамках выбранной темы представляет первая глава раздела «О государстве» («*De re publica*»), в которой рассмотрены такие понятия, как *princeps* (глава государства, монарх), *dux* (вождь, полководец), *miles* (воин), *cives* (граждане), *aerarium seu vectigalia* (казна и налоги).

Тему государства ритор начинает с понятия «*princeps*». Когда речь идёт о главе государства, наилучшими риторическими украшениями автор считает традиционные сравнения с солнцем и львом. Со ссылкой на Эразма проводится параллель между солнцем и монархом: «*ut ille omnibus... lucis suae impendit activitatem, ita princeps omnem reipublicae curam sustinere debet*» («как солнце распространяет свой свет на благо всем, так и глава государства должен нести на себе все заботы о государстве») (Diademма: 80). Со львом, по мнению ритора, монарха можно сравнить на том основании, что лев внушает всем страх. Эти качества – благотворное влияние на всех подданных и в то же время внушаемый им страх – воспринимаются как главные атрибуты власти. Они не называются прямо, но подаются через сравнение.

Следующие далее примеры и изречения иллюстрируют щедрость, справедливость, умеренность как качества монарха. Например: «*Alexander interrogatus, quis optimus princeps esset, respondet: qui amicos donis retinet, inimicos beneficiis amicos facit*» («Когда Александра спросили, кто лучший из правителей, он ответил: тот, кто удерживает друзей дарами, а врагов превращает в друзей благодеяниями») (Diademма: 80). В свободном

пересказе со ссылкой на Плутарха приводятся слова Агесилая (по ошибке названного македонским царём) о том, что раз персидский царь не превосходит его справедливостью и воздержностью, то и не может быть назван более великим: «Agesilaus Macedonum princeps cum audiret persarum regem magnum appellari dixisse teste Plutarcho fertur: Quare major me est nisi justior me esse ac temperantior» (Diademma: 80).

В перечень добродетелей, подобающих царям, входит также богопочитание и благочестие («Inter ceteras virtutes princeps colat religionem et pietatem») (Diademma: 80 (об)). Перечислены монархи (Константин Великий, Карл Мартелл, Рудольф, основатель австрийской династии Габсбургов), которые почитая Бога создавали и расширяли империи («cultu divino imperia et formarunt et amplificarunt») (Diademma: 80 (об)).

С благочестием ритор связывает такие черты идеального монарха, как справедливость и кротость: «Religionis studio conjungenda principis justitia et clementia» (Diademma: 80 (об)). Приводятся два очень близких по смыслу определения понятия «justitia»: «Vocabula justitiae duo praecipua occurrunt. Primum est a Platone vocante justitiam fulcrum civitatum, secundum Augustini justitiam unicum regnorum columen appellanti» («Есть два главных определения правосудия; первое принадлежит Платону, назвавшему правосудие опорой государств, второе – Августину, назвавшему правосудие единственным столпом царств») (Diademma: 81). Понятие «clementia» иллюстрируется, в частности, изречением Сенеки: «non minus principi turpia sunt multa supplicia, quam medico multa funera» («не менее позорны многочисленные казни для принцепса, чем многочисленные похороны для врача») (Diademma: 81). Приводятся также строки, в которых Клавдиан восхваляет кротость.

Трактовка риторического образа полководца (dux exercituum) начинается с гиперболического уподобления: «Nis ille est, quo praesente enim cervi leones» («Это тот, в присутствии которого даже олени становятся львами») (Diademma: 81). Затем ритор приводит ряд примеров из греческой истории, подчеркивающих обязанности полководца и его ответственность перед армией. Например: «Pelopidas uxori quae ipsum ad bellum proficiscentem rogabat muliebriter ut servaret se ipsum respondit: Alii istud ut faciant monendi sunt, nam princeps ac dux hortandus sit ut servaret cives» («Пелопид, собираясь на войну, ответил жене,

по-женски умолявшей его беречь себя: Другим следует об этом напоминать, а вождей и полководцев надо просить беречь граждан») (*Diademma*: 81 (об)). Упомянув, что остальные доблести полководцев перечислены у Клавдиана, автор руководства формулирует пять тактических правил, о которых необходимо помнить военачальнику: 1) вести войско, соблюдая строй; 2) выстроить порядки; 3) самые сильные части войска держать в резерве; 4) высылать вперёд лазутчиков; 5) быть при войске (*Diademma*: 81 (об)).

В параграфе, посвящённом воину (*miles*) и его обязанностям, ритор собрал многочисленные примеры храбрости и самоотверженности простых солдат. Следует отметить, что в данном параграфе внимание ратора обращено главным образом на позднеантичные (Вегетий) и христианские (Иероним, Амвросий, Августин) тексты, хотя приводятся также и цитаты из Ксенофонта, Сенеки, Тита Ливия, Овидия.

Цель воюющих трактуется по Августину: «*Apud veros Dei cultores enim bella parata sunt, quae non cupiditate aut crudelitate sed pacis studio geruntur*» («Среди истинных почитателей Бога не из жадности или жестокости ведутся войны, а из-за стремления к миру») (*Diademma*: 82).

Главное требование к воинам – «*otium castris exsulare*» («изгнать из лагеря праздность») (*Diademma*: 82) – проиллюстрировано изречениями Сенеки, Ксенофонта, Тита Ливия. Сформулирован парадоксальный вывод о пагубном влиянии победы или благоприятных обстоятельств на армию: «*Parta victoria non debet esse securus miles... teste Livio res secundae negligentiam creant*» («Одержав победу, воин не должен чувствовать себя в безопасности... как свидетельствует Ливий, благоприятные обстоятельства рождают небрежение») (*Diademma*: 82).

Отдельный параграф посвящён риторической трактовке понятия «*cives patriae*» («граждане, соотечественники»). Первым условием существования гражданского общества ритор считает свободу слова: «*Moneo primo debere esse liberum in dicenda sententia cum vero ex mente poetae linguam cui inclusam, suspendit metus, ut nunc ita olim visus est pessimus*» («Уверяю: во-первых, гражданин должен быть свободным в выражении своего мнения, так как, по словам поэта, у кого страх сковывает язык, как теперь, так и раньше, зрение становится очень плохим») (*Diademma*: 82 (об)). Автор подкрепляет свою мысль словами из

«Антигоны» Софокла, ссылается на Цицерона, который в трактате «Об обязанностях» порицал тех людей, которые «*quod sentiunt etiam si optimum est, invidiae metu non audent dicere*» («даже понимая, что являлось бы наилучшим, не смеют высказать из страха навлечь на себя зависть»), а также приводит ряд примеров из античной и новой истории (Diademma: 82 (об)). Второе требование к гражданину – быть постоянным и неподкупным в своих взглядах («*Moneo secundo civem debere esse constantem in suo sensu, nec in contrariam... corruptibilem*») (Diademma: 82 (об)). Символом постоянства ритор вслед за Назианзином называет саламандру, не только не сгорающую в огне, но и гасящую его.

Рассмотрев разные категории лиц, образующих гражданское общество, и определив основные топосы, подходящие для риторической разработки, ритор переходит к такой важной теме, как экономическая основа государства, казна и налоги (*aerarium seu vectigalia*). Значимость темы подчёркнута изречением Юстиниана: «*sine vectigalibus impossibile est rem publicam conservari... neque enim quies gentium sine armis, nec arma sine stipendiis, nec stipendia sine tributis haberi queunt*» («без налогов нельзя сохранить государство, ведь не бывает мира без армии (буквально: оружия), армии – без военного жалованья, военного жалованья – без налогов») (Diademma: 83).

Несмотря на упомянутое выше заявление ритора о своем нежелании давать какие-либо советы, выходящие за пределы задач риторики, он формулирует несколько правил налоговой политики (*census in impositione vectigalium*): 1) «*Observa primo ne sint gravia et intolerabilia, bene enim Cassiodorus: a paucis accipit, qui nimium quaerit*» («Во-первых, следи, чтобы налоги не были слишком тяжёлыми и непереносимыми, ведь, как хорошо сказал Кассиодор, тот, кто требует сверх меры, получает от немногих») (Diademma: 83). Эта же мысль подтверждается словами Тацита: «*Videat princeps ne provinciae novis oneribus turbentur et vetera sine avaritia magistratuum tolerantur*» («Пусть принцепс заботится о том, чтобы провинции не волновались из-за новых налогов, а старые переносили бы, не испытывая жадности магистратов») (Diademma: 83); 2) «*Observa secundo: tributa aequaliter imponantur*» («Во-вторых, следи, чтобы подати налагались на всех одинаково»); 3) «*Observa tertio: tempore pacis extra ordinaria tributa remittantur*» («В-третьих, во время мира

экстраординарные налоги должны быть отменены»); 4) «*Observa quarto: erarii depositio restricta sit et parca*» («В-четвёртых, расход казённых денег должен быть ограниченным и бережливым» (*Diademma*: 83 (об)). Каждый из принципов подкрепляется многочисленными цитатами и историческими примерами.

Таким образом, в московском риторическом руководстве собраны разнообразные сведения, примеры, изречения (*eruditiones*), уместные в политическом красноречии и иллюстрирующие основные составляющие понятия «государство». Хотя существовало представление, что политическое красноречие к этому времени давно утратило актуальность и сохранилось лишь в школьном курсе риторики (см. в частности, *Rhetorica* 1766: 58 (об)), автор «Венка» считает нужным не только подробно рассмотреть круг политических топосов, но и дать учащимся некоторые советы в области государственного управления.

Литература

- Diademma* 1745–1746: *Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae suadae in ornamentum Rossiae laureatis capitibus Neotulliorum in Mosquensi Graecolatino viridario contextum...* Московская Славяно-греко-латинская академия. 1745–1746. РГБ. Ф. 173.1. № 355. 168 л.
Rhetorica 1766: *Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus*. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766. РГБ. Ф. 312, № 78. 95 л.

A. D. Kurilova. Elements of political eloquence in the Moscow manuscript rhetoric «*Diademma ex immarcessibilibus floribus Tullianae*»

The article deals with an interpretation of some elements of political eloquence in a manuscript rhetoric composed in Moscow in 1745–1746. Special feature of this manual is a combination of extensive illustrative material needed for amplification of basic concepts of the speech with practical precepts in the sphere of political administration.

Keywords: Russia of the 18th century, manuscript, rhetoric, political eloquence.